

Сроки поджимали, времени оставалось в обрез.

Это означало лишь одно: у него не было права на ошибку. Экзамен нужно сдать с первой же попытки!

Единственным спасением от неминуемой гибели было заветное зелье, которое система выдаст в качестве награды лишь в ночь оглашения результатов Дворцового экзамена. Стоит ему провалиться — и второго шанса судьба уже не предоставит. Он попросту испустит дух на месте.

Нет, слишком шатко, слишком опасно. Ему жизненно необходим запасной план «Б».

Е Сяои лихорадочно соображал, как бы сократить эти бесконечные годы подготовки.

— Мо Юэ, послушай, — обратился он к спутнику, — неужели нет никакой лазейки, чтобы сразу попасть на Провинциальный экзамен?

Обычный путь к заветному экзамену занимал долгих шесть лет — непозволительная, смертельная роскошь. Сяои всей душой жаждал миновать трёхлетнее ученичество под надзором строгого чиновника от образования, а заодно избавиться от всей этой изнурительной карусели: Ежегодного и Квалификационного экзаменов, выматывающих душу своей бюрократией.

Оставь он за собой лишь три главных рубежа — провинциальный, столичный и дворцовый экзамены, — в его распоряжении оказалось бы семь попыток. Вероятность занять заветное первое место взлетела бы до небес.

Однако Мо Юэ его порыва не разделил:

— Найти лазейку можно. Отсыпь серебра, купи звание вольнослушателя академии, и путь на провинциальный уровень открыт. Вот только дорожка эта кривая. Настоящую славу и почёт приносит лишь классический, честный путь, пройденный ступень за ступенью. Все прежние триумфаторы получали признание как полноправные выпускники, преодолевшие горнило всех испытаний. Вольнослушатель для любого чиновника — обыкновенный выскочка, пролезший с чёрного хода. Государь таких не жалует и званием чжуанюаня никогда не увенчает.

— И что, совсем никакого обхода? — не унимался Сяои. — Ну, например... сдвинуть сроки ежегодного экзамена на пораньше?

Торчать три года у порога министерских чинуш казалось ему чистой воды самоубийством. В его запасе оставалось жалких семь лет жизни, растрачивать их на чиновничью волокиту он не имел права.

Мо Юэ снисходительно щелкнул мальчишку по лбу:

— Скажи-ка мне, чудаковатая твоя голова, почему эти состязания зовутся ежегодными? В двенадцатилетнем круге светил лишь годы Быка, Овцы, Дракона и Собаки знаменуют великие перемены. Отбор сюцаев проводят раз в три года, строго блюдя законы неба и земли. С чего бы ради одного капризного мальчишки нарушать вековечный порядок?

— Значит, придётся поработать с самим распорядителем, — сказал Сяои. — Умаслим его как следует, пусть даст личную рекомендацию и впишет меня в списки на Провинциальный экзамен в обход правил.

Ситуация выглядела до боли знакомой: недоросль, не осиливший даже начальных классов, вознамерился проскочить напрямик в выпускной класс элитной гимназии, чтобы сдать единый государственный экзамен. В таком случае оставался лишь один проверенный путь — задобрить директора школы увесистым кошельком, дабы тот состряпал липовое личное дело и выправил пропуск на экзамен.

Мо Юэ покачал головой и вновь ткнул сорванца пальцем в лоб:

— Смотри, доиграешься. На такой зыбкой почве и шею сломать недолго.

— Пусть риск огромен, но запасной вариант у меня быть обязан, — упрямо буркнул Сяои.

Ведь если прорваться сквозь рогатки отбора, то весь путь от Провинциального экзамена до императорских палат займет от силы год. Семь лет — это семь полноценных шансов завоевать лавры первенства! Возможность пересдачи дарила ему надежду на спасение в случае неудачи. Решено: он пойдет законной тропой, шаг за шагом, но план «Б» непременно будет держать наготове. Бережёного бог бережёт.

Мо Юэ лишь вздохнул, не зная, смеяться ему или сердиться. Мальчишке едва стукнуло десять, а суетится так, словно за ним гонятся черти. Неужто не может подождать какую-то жалкую десятку лет?

В его представлении всё складывалось просто и логично: отдав дань памяти усопшим родителям и выдержав положенный трёхлетний траур, Сяои пройдёт через все испытания и предстанет перед грозными очами императора ровно в двадцать лет. По меркам учёных мужей — сущий юнец, времени вагон! Ну провалится в первый раз, попробует снова, делов-то.

Но сам Сяои понимал суровую правду: если заветный титул ускользнёт из рук, никакого «после двадцати» для него попросту не наступит. Могильный хлад заберёт его раньше.

Он требовательно протянул ладонь к Мо Юэ:

— Так что мне понадобится целая гора серебра, чтобы умаслить нашего достопочтенного директора... то есть, чиновника от образования. Давай-ка, поднажми, торгуй усерднее!

Мо Юэ даже поморщился от такого невиданного нахальства. Просить чужие деньги с таким видом, будто ему все кругом должны по гробовую доску — это надо уметь!

Он придвинулся ближе, сменив гнев на любопытство, и негромко спросил:

— Значит, новое дело уже созрело в твоей хитрой голове?

Сяои хитро улыбнулся:

— Давно готово! Ждёт своего часа.

Пока они ютились в захолустной деревушке, Сяои не рисковал разворачиваться во всю ширь — пронырливые соседи мигом бы выведали секреты мастерства. Но теперь, затерявшись в бурлящем человеческом море огромного города, самое время было достать из закромов памяти коммерческие тайны былой жизни, когда он звался наследником торговой империи Гиндза.

Наняв просторный экипаж, Сяои и Мо Юэ вместе с бабушкой Е и младшей сестрёнкой Е Сяомэй отправились обживать новое семейное гнездо в Янчжоу.

Их новое пристанище располагалось на северо-западной окраине города, у самого Тонкого Западного озера. Когда-то здешние берега пустовали, оставаясь дикими и заброшенными, но богачи Янчжоу не поскупились на золото. Они наняли лучших мастеров Поднебесной, превратив невзрачную речную пойму в великолепное ожерелье из роскошных садов и усадеб.

На протяжении нескольких ли вдоль берегов раскинулись изысканные частные угодья. По сути, эта живописная полоса была элитным кварталом, выстроенным предприимчивыми купцами прошлых лет на продажу новоявленным богатеям, жаждущим подчеркнуть свой статус.

Именно здесь, среди тенистых аллей и изящных павильонов, Мо Юэ и присмотрел их будущий дом.

Виды Тонкого Западного озера захватывали дух. Взору открывался знаменитый Мост двадцати четырех, где любили собираться поэты и каллиграфы, чтобы слагать изящные строфы под неторопливый плеск волн. По воде скользили расписные прогулочные суда, у берегов высились храмы и резные пагоды, зеленела гора Сяоцзиньшань, а вдоль извилистых тропинок бесконечной чередой тянулись плакучие ивы, склоняя свои ветви к самой воде.

Бабушка Е и малышка Е Сяомэй всю дорогу не закрывали ртов от изумления. Пышное убранство окрестных садов кружило голову, а глаза разбегались.

Пожилая женщина и подумать не могла, что жильё, столь щедро купленное Мо Юэ, окажется в месте, мало уступающем императорским чертогам.

Пусть она за всю свою долгую жизнь и краем глаза не видела резиденции государя, чутьё подсказывало: простым торговцам сюда путь заказан. Даже усадьба уездного начальника выглядела убогой лачугой по сравнению с этим великолепием.

Экипаж замедлил ход и остановился перед изящными воротами небольшого, но на редкость уютного поместья.

— Приехали, — с улыбкой объявил Мо Юэ, помогая спутникам выйти. — Вот наш новый дом.

Старушка и девочка тут же засеменили к резной калитке, охая и цокая языками от восхищения перед тонкой резьбой по дереву.

Сяои окинул взглядом живописный ландшафт, ничем не уступающий царским паркам, и задрал голову, разглядывая висящую над входом лакированную табличку с надписью «Сад Е». Он насмешливо посмотрел на Мо Юэ:

— Послушай, ты ведь не из-за вывески этот дом выбрал? Решил сэкономить на плотнике, раз прежнего хозяина тоже звали Е?

Мо Юэ негромко рассмеялся и привычно щелкнул сорванца по макушке:

— Скажешь тоже! У этой усадьбы богатая история, и её покупка — часть моего далеко идущего замысла.

— Вот как? — встрепнулся Сяои, загораясь любопытством. — И в чём же твой коварный план?

Мо Юэ заговорщически поманил его пальцем:

— А ну-ка, наклонись поближе...

Оказалось, прежним владельцем усадьбы был некто Е Фантянь — выходец из знатного цзиньлинского рода и близкий друг Сяо Цяня, главы влиятельного клана Сяо из Ланьлина. Купив этот дом, Мо Юэ намеревался использовать его имя как благовидный предлог для знакомства.

В самом деле: безродный мальчишка, не сдавший даже простейшего экзамена на звание туншэна, да безусый подросток, едва перешагнувший порог совершеннолетия, — с какими глазами им заявляться на порог к великим книжникам и государственным мужам? Их бы просто подняли на смех.

Да и те крохи серебра, что они успели скопить на торговле шпильками, в сытом и лопающемся от золота Янчжоу не стоили и ломаного гроша. Здесь они были никем.

Чтобы заполучить в союзники по-настоящему сильного игрока, приходилось изворачиваться и действовать тоньше.

В одном они сходились безоговорочно: лезть в это осиное гнездо вдвоём, без связей и покровителей, — верное самоубийство.

Действовать в одиночку, карабкаясь по сословной лестнице черепашьям шагом, Сяои не мог. Безжалостный счётчик жизни тикал в его голове каждую секунду. Им требовался мощный толчок, своего рода скоростная магистраль к вершинам власти.

Любое восхождение даётся в стократ легче, если за спиной стоит влиятельный союзник, готовый направить попутный ветер в твои паруса. Одиночка же обречён собирать все дорожные камни собственной головой.

Далеко за примером ходить не надо — блестящий успех с заколками удался лишь потому, что они вовремя пристроились к каравану известнейшей столичной лавки, удачно воспользовавшись чужим авторитетом.

Ни Сяои, ни Мо Юэ не отличались кротким терпением и не собирались тратить годы на унылое, честное продвижение с низов. Великие дела требовали дерзких решений и надёжной команды. «Чтобы пройти сложный рейд, собери сыгранную группу», — гласило негласное правило его бывшего мира.

Закинув удочку, Мо Юэ на время затаился и полностью посвятил себя обучению названного брата.

К тому моменту Сяои уже от зубов отскакивала древняя «Книга песен». Повторив её несколько раз для надёжности, он со вздохом принялся за следующий столп классического образования — великую и ужасную «Книгу документов», почтенную «Шу цзин».

Скромный по объёму свиток — всего около двадцати тысяч знаков — оказался сущим кошмаром по сравнению с певучей и гармоничной поэзией прошлого. Даже в былые эпохи этот перегруженный архаизмами трактат считали непостижимой китайской грамотой.

Книга хранила в себе основы государственного управления и тайны правителей древности,

начиная с незапамятных времён и заканчивая эпохой Западного Чжоу. Поговаривали, что даже умудрённые опытом столичные министры порой ломали голову над тёмным смыслом её иносказаний.

Слишком много веков пронеслось над Поднебесной, унеся с собой ключи к толкованию этих священных текстов. Понять их теперь было сродни расшифровке тайных писем.

Но экзаменаторам было плевать на трудности. Хочешь чиновничью шапку — изволь вызубрить трактат наизусть. На уездных испытаниях, что гремели каждый год во втором месяце, соискателей ждала беспощадная проверка: надлежало без единой помарки записать по памяти случайный отрывок из «Ши цзин» и столь же случайный кусок из «Шан шу».

Для Сяои, чьи познания в письменности ограничивались жалкой парой тысяч повседневных иероглифов, первое же знакомство с древним канонам обернулось сокрушительным фиаско. Он запинался чуть ли не на каждом знаке, перевирая чтение безбожным образом.

Текст кишел колючими, давно забытыми иероглифами, зубодробительными оборотами и архаичными именами собственными, которые вышли из обихода ещё за тысячу лет до его рождения.

Каждый вечер Сяои с ненавистью смотрел на обложку злосчастного тома.

«Какого чёрта, — мысленно кипел он, — ради этих замшелых бредней я должен забивать голову мёртвым хламом, который ни один нормальный человек уже веков пять не использует?!»

Древний синтаксис ломал язык и выворачивал мозг наизнанку. Предложения громоздились друг на друга вопреки всякой логике, и Сяои всерьёз подозревал, что дикари былых времён изъяснялись на каком-то марсианском наречии, не имеющем ничего общего с нормальной человеческой речью. Для вчерашнего двоечника чтение канона превратилось в пытку, сравнимую со сдачей экзамена по мёртвому иностранному языку без словаря.

В один из вечеров он в сердцах грохнул кулаком по столу:

— Разрази меня гром, Мо Юэ! Почему мы обязаны зубрить обе версии этой проклятой книги? Раз уж мудрецы сами до сих пор спорят, какой из списков подлинный, не проще ли вообще выкинуть её из программы?! Какой толк заучивать сказки о царях, чьё существование бабушка надвое гадала?

Мо Юэ привычно остудил его пыл лёгким щелчком по темени:

— Не ворчи. В обоих свитках вместе наберётся едва ли под шестьдесят глав — сущие пустяки. Если ты ухитрился уложить в своей голове три сотни песен, то уж с парой десятков

прозаических отрывков как-нибудь совладаешь. Посидишь лишнюю неделю, позубришь — и дело в шляпе.

— Ага, «как-нибудь совладаешь»... «дело в шляпе»... — унылым эхом отозвался Сяои, мечтая лишь о том, чтобы эти проклятые тексты сами собой переписались ему в память.

Вид страдающего ученика пробудил в Мо Юэ дьявольский азарт. Он с предвкушением потёр ладони и ласково предложил:

— Что, совсем туго идёт? Ладно, так и быть, помогу тебе совладать с этой непокорной книгой. Читай за мной, на сей раз учить буду даром.

Сяои попятился, заведя этот плотоядный оскал. «Этот садист точно ловит кайф, измываясь надо мной!» — мелькнуло в голове. Увы, деваться было некуда. У Мо Юэ выдалось свободное время, на тракты за товаром спешить не надо, так что лучшего наставника в этих краях всё равно не сыскать. Пришлось смириться.

Как и прежде, день у них начинался на рассвете, в час Дракона. Один усердно вбивал в память древнюю мудрость, другой — щедро ею делился. Вот только теперь, растолковав сложную главу, Мо Юэ не убегал по делам, а оставался сидеть рядом, ревностно следя за каждым произнесённым словом.

Сяои спотыкался на каждом шагу, безбожно коверкая древнее наречие. Недолго думая, новоявленный учитель вооружился упругой бамбуковой розгой. Стоило ученику допустить хоть малейшую оговорку, как тонкий прут со свистом опускался на его ладонь.

После десятка звонких шлепков несчастный взвыл, вцепился мучителю в пояс и жалобно запричитал:

— Мо Юэ, пощади! Ну прояви сострадание, учитель! Я ведь только разбираю текст, дай мне хоть немного привыкнуть к этим закорючкам! Вот увидишь, я всё выучу и прочитаю без единой запинки, только не бей ты по каждому поводу!

Тот даже не шелохнулся, позволяя мальчишке виснуть у себя на поясе, лишь скрестил руки на груди и с притворной суровостью процедил:

— И сколько же времени тебе надобно на эти «разборы»? Мы бьёмся над одной страницей уже в восьмой раз, а ты всё мычишь, как недоенная корова. Моё время, между прочим, не дешёвое.